

Tatiana Akimova
Sarańsk (Republika Mordwińska – Rosja)

**Диалог Великой княгини Екатерины Алексеевны
с польским анонимным автором о месте и роли
женщины в обществе:
к вопросу о функционировании жанра анекдота
в творчестве Екатерины II**

Жанр анекдота занимает особое место в творчестве Екатерины II – с его помощью не только осуществляется проба пера будущей российской императрицей, но и перенимается просветительская идеология, сложившаяся во французских салонах. Именно там формируется образ воспитанной и утонченной женщины, демонстрирующей своему окружению все грани своей личности, в том числе литературный талант. Поскольку жанр анекдота соответствует самой сути салонного общения, то обращение к нему Екатерины, в бытность еще Великой княгиней, выглядит явлением закономерным.

В 1760–1761 гг. Великая княгиня Екатерина Алексеевна создает *Особую тетрадь*¹, в которую заносит сокровенные мысли о правилах правления просвещенного государя. Среди этих афористичных высказываний и помещается анекдот о Брокдорфе, нечестном и корыстном советнике Петра Федоровича, вступившем в открытую вражду с Екатериной и очернившим ее перед государыней. Через этот анекдот цесаревна не столько целенаправленно отвечает своему обидчику, сколько – просветительской аудитории, сложившейся в ее сознании после знакомства с соответствующей библиотекой и кругом лиц, среди которых следует выделить Станислава Понятовского.

¹ Обнаружена эта тетрадь была академиком П.П. Пекарским, не только переведшим ее с французского, но и прокомментировавшим ее публикацию в первом томе „бумаг“ Екатерины II: „заметки эти писаны Великой Княгиней Екатериной Алексеевной на листах большого формата, карандашом в 1761 г.” в кн. *Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве министерства иностранных дел*, т. 1: 1744–1764 гг., Санкт-Петербург 1871, с. 82.

Молодой польский граф прибыл в Россию в 1755 г., находясь в свите английского посла сэра Чарльза Гэнбюри Уильямса. Понятовский „был хорош собой”, „успел попутешествовать и посмотреть мир, светскую выучку проходил в Париже”². Там он и познакомился с хозяйкой влиятельного политического салона, мадам Жоффрен, радушно встречающей у себя Д’Аламбера, Гольбаха, Дидро и не признающей женское общество. Не удивительно, что салон м-м Жоффрен стал великолепным полем для взращивания анекдотов, тем более что „у Жоффрен собирались все даровитые люди из школы Вольтера”³. Станислав Понятовский, безусловно, был близок этой культуре. По крайней мере, оказавшись в России, „он приобрел расположение великого князя, насмехаясь над польским королем и его министром”⁴, а Великую княгиню очаровал тем, что „говорил языком Вольтера и героев мадам де Скюдери”⁵. Безусловно, Екатерина нашла в Понятовском многое из того, что усвоила через чтение романов: галантность, веселость, изящество, интересного собеседника, образец дамских рыцарей того времени⁶. Именно он и стал тем связующим звеном, которое соединило отчаявшуюся от одиночества Великую княгиню, оставленную без сына Павла Елизаветою, мужем, любовником С. Салтыковым, – с мадам Жоффрен на этапе активного усвоения Екатериною просветительских заветов 1755–1756 гг.

Результатом этого соединения явилось то, что, придя к власти, Екатерина признавалась, что „предпочитает салоны, в которых процветает искусство ведения беседы. Ей гораздо ближе госпожа Жоффрен, чем собственные придворные дамы”⁷. Приобщаясь через Станислава Понятовского, вхожего в салон и находящегося на дружеской ноге с мадам, к культуре и идеологии салона Жоффрен, Екатерина, соответственно, ощущала себя частью того литературного пространства и спешила зарекомендовать себя, во-первых, человеком пишущим, во-вторых, автором просветительских взглядов.

Для этого она сочиняет анекдот о немце Брокдорфе, сумевшем провести как Великого князя, не сведущего ни в политических, ни в экономических

² Н.М. Соротокина, *Фавориты Екатерины Великой*, Москва 2010, с. 23.

³ В.С. Иконников, *Время Екатерины Второй*, Специальный курс, составленный по лекциям ординарного профессора университета Св. Владимира, Литография Г. Розенталя, Киев 1881, с. 198.

⁴ К. Валишевский, *Роман императрицы: Исторические хроники*, Эксмо, Москва 2007, с. 110–111.

⁵ *Ibidem*, с. 110.

⁶ В.С. Иконников, *op. cit.*, с. 198.

⁷ Э. Каррер д’Анкокс, *Екатерина II. Золотой век в истории России*, Москва 2006, с. 390.

делах, так и императрицу, потерявшую способность к рациональному восприятию окружающего мира. Анекдот имел целью, во-первых, высмеять Брокдорфа, который настаивал на сохранении Петром Федоровичем войск в Голштинии, что приносило российской казне невероятные траты, и, во-вторых, поквитаться с немцем, строившим козни Великой княгине и обвинявшим ее в преступлениях, совершаемых, на самом деле, им самим. Подобная литературная расправа Екатерины с „врагом” укладывалась, заметим, в просветительскую концепцию мирного решения политических проблем.

Это свойство жанра литературного анекдота, содержащее в себе критическую оценку поступков царского окружения, цесаревна использовала двояко: и в качестве самопрезентации себя будущей российской императрицей, и с целью почувствовать себя писательницей-просветительницей, которая видит своим долгом обнажение проблем императорского двора. На первом месте среди них оказалось неприятие отведенной для нее Елизаветой Петровной пассивной роли „жены” Великого князя.

По всей видимости, ее интересовал образ хозяйки салона, как идеала личностной свободы и интеллектуального самовыражения. Поэтому, обращаясь к жанру анекдота, Екатерина вступает в диалог с польским анонимным автором *Златого ига супружества*, выносящего на суд читателя разные случаи сосуществования мужчины и женщины, итогом которого провозглашается тезис „на которой жене не женись – все будет плохо”: „Разум аще имаши, никакой не бери жены: никто бо не надежен...”⁸. Поэтому текст, представляющий, по выражению А.М. Панченко, „ренессансную струю в культуре барокко”⁹, выводит образ злой и нечестивой жены с целью занимательного времяпрепровождения и упреждения молодых людей от неверных шагов в будущем.

Анекдот Екатерины не только опровергает сложившееся в прошлом представление о жене, но как будто начинает спор с устоявшимся мнением о месте и роли женщины в обществе: „Той уже погрешил, когда поверил жене здравие, честь и имение”¹⁰. Великая княгиня отвечает на это анонимному автору: „Тогда не могли себе представить, чтобы последовательный образ действий был плодом женского ума; чтобы женщина имела уже в руках все большие и малые дела своего мужа; чтобы она не терпела

⁸ А.М. Панченко, *„Златое иго супружества” и его источник*, Тодорл, Ленинград 1979, т. 33, с. 327.

⁹ Ibidem, с. 312.

¹⁰ Ibidem, с. 329.

казнокрадства, наушничеств, несправедливости и проч. – перспектива ужасная!”¹¹. Замышляя побег от этой ужасной перспективы, Екатерина переплавляет исторический материал в художественный продукт с учетом и идеологической (создание образа самой себя), и морализаторской сторон (высмеивание существующих порядков). В сопоставлении этих двух текстов можно увидеть столкновение ренессансной и просветительской концепций.

Возрождение

- Идея произведения – освобождение личности.
- Цель – веселье и забава.
- Проблема супружеской неверности.
- Проблема несоответствия характера жены запросам мужа.
- Вывод: Жена – источник существенных проблем мужа.

Просвещение

- Идея – освобождение женщины лично и социально.
- Цель – воспитание и забава.
- Проблема женского самовыражения.
- Проблема несоответствия характера мужа запросам жены.
- Вывод: Муж – источник существенных проблем жены.

Спор ведется вокруг образа жены. Если в ренессансном тексте она предстает некоей помехой, довеском в жизни мужчины, то в екатерининском анекдоте мы видим, что все как раз наоборот: муж является „слабым звеном”, плохим политиком, дипломатом и экономистом. В первом случае воспеваются ум, смекалка и находчивость мужчины, во втором – всеми этими качествами обладает жена при полном отсутствии их у мужа. В *Златом иге супружества* жена – удел стыда и страданий мужа, в анекдоте Великой княгини жена – условие для благополучия и процветания мужа. Так, спор о месте женщины в обществе в польском тексте заканчивается радостным приятием этого мира даже в его абсурдном варианте, а в случае с анекдотом Екатерины вывод очевиден: образованной и воспитанной женщине по праву должна принадлежать лидирующая позиция в государстве.

Следует заметить, что дошедший до нас текст анонимного автора *Złote jarzmo małżeńskie*, составленный в первой половине XVII столетия, относится к середине XVIII века, и эта длительная жизнь в „списках” свидетельствует о его чрезвычайной популярности. Несомненно, он лег для читательской аудитории на подготовленную основу, поскольку польский автор удовлетворил запросы читателей как в исторической, так и в анекдотической литературе: „Неизвестный автор блистает эрудицией. Он прекрасно знает историю, церковную и гражданскую, древнюю и новую.

¹¹ Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве министерства иностранных дел, т. 1, 1744–1764 гг., СПб.1871, с. 96.

Он начитан в Писании и Предании. Он помнит античные и средневековые исторические анекдоты – например, о Сократе и Ксантиппе, которые составляли устойчивую анекдотическую пару¹². Помимо этого, „пародийный трактат и комическая речь” *Złote jarzmo małżeńskie* соответствовали уровню царских забав: „Юмор его автора – тот юмор, который культивировался при дворе короля и в замках магнатов”¹³, а в России был любим „кавалерами петровских ассамблей”¹⁴. Все это оправдывает сопоставление произведения польского автора с сочинением Екатерины, писавшимся явно с оглядкой на Понятовского и его французский круг друзей и тем самым проложившим мостик от салона в петровском варианте к салону мадам Жоффрен.

Анекдот раскрывал проблему абсурдного бытия Екатерины при дворе Елизаветы Петровны, не совместимого как с личностным самовыражением, так и с реализацией просветительских идеалов, почерпнутых Великой княгиней из чтения книг французских писателей. Противоречие между реальной жизнью российского двора и теми духовными ориентирами, которые Великая княгиня восприняла от просветителей, толкало ее к осмыслению своего унижительного положения „мешающей развлечениям своего мужа жены” и подачи его сквозь призму салонного осмеяния двора в литературе XVIII столетия. Поэтому вся композиция анекдота строится вокруг нескольких оппозиций. С одной их стороны находится просветительский образ Великой княгини, а с другой – не соответствующие ему образы царских советников, мужа Великого Князя Петра Федоровича и, наконец, императрицы, по мнению Екатерины, утратившей способность различать добро и зло.

Как и в анекдоте Великой княгини, в *Златом иже супружества* центральный образ – образ жены, который, однако, сравнивается то с недоделанным кораблем („Не имея кто делать чего, аще не безделен бытии, корабль или жену пусть промышляет строить, потому что те две вещи никогда довольно устроены бытии могут”¹⁵), то с быстро пролетающими явлениями („Ветер, птица, жена – скорая суть”¹⁶). В этом противоречивом сочетании долго строящегося корабля и быстрого мгновения полета, видимо, и заключается для барочного автора философская суть женщины. Однако он не ограничивается

¹² А.М. Панченко, *op. cit.*, с. 309.

¹³ *Ibidem*, с. 310.

¹⁴ *Ibidem*.

¹⁵ *Ibidem*, с. 312.

¹⁶ *Ibidem*, с. 316.

приведенными образами жены и дает развернутую панораму портретов женщины: „Жена, понеже изначально греха ловительница бе, того ради есть неисчерпаемое злых горнило, человеческое постыждение, ненасыщенное безсловесие, непрестанная пустыня, неустающее побоище, повседневный человеческий вред, препона мужу, невоздержного потопление, любодения сосуд, пагубоносный бой, животное всезлейшее, тягота обремененна, ненасытный аспид, человеческое рабство, смертные нужды свиток, юности обнажение, мужей похищение, старых смерть, отечества поглощение, чести пагуба, пища дьявола, врата смерти, адово исполнение”¹⁷. И среди такой негативной характеристики более всего достается женскому уму: „Ежли глупа, отдавай же дом и строение соседом, а ежли разумна, то, господине муж, предавайся господиеви богу; та там вверх ногами оборотит, а сия и разума во лбу лишит”¹⁸. Умная и образованная женщина наделяется еще более показательными и образными сравнениями, чем любвеобильная: „Умеет честь и охоча много честь, – то тогда собирает ядоносну отраву, аки паук, и сети на тебя, будто на муху, одевает”¹⁹. Вот это предубеждение против женского ума и образованности становится главной пружиной анекдота Екатерины.

Она не только демонстрирует свои способности в умении давать характеристику своему окружению, но и четко расписывает меры, предпринятые ею по избавлению от бедственного положения своего мужа.

В начале анекдота появляется фигура мужа Петра Федоровича, запутавшегося в своих финансовых делах: „В конце 1754 года Великий Князь, видя, что положение его дел было в состоянии, грозившем совершенным банкротством...”. Затем появляется образ умной и предприимчивой Екатерины, готовой устранить возникшие проблемы своего мужа. Она пишет, что он „решился поручить мне заботы о поправлении этих дел. Сначала я не хотела на это согласиться, предвидя и препятствия к поправлению такого безнадежного состояния, и ревность, и зависть, которые я навлеку за то на себя. Но, наконец, я решилась согласиться, так как не могла долее уклониться, не огорчив Великого Князя”²⁰.

Затем Великая княгиня вводит образы советников своего мужа, каждый из которых получает критическую оценку. Персонажами ее анекдота соответственно становятся Брокдорф, поверенный в делах Великого Князя

¹⁷ Ibidem, с. 317.

¹⁸ Ibidem, с. 319.

¹⁹ Ibidem, с. 323.

²⁰ Бумаги императрицы Екатерины II..., с. 93–94.

Петра Федоровича, и Александр Шувалов, занимавший при Елизавете Петровне чин главы тайной канцелярии и гофмейстера двора Великого Князя. Оба они лишь усиливают беспомощность ее мужа, который „не выходил из-под опеки своей тетки”²¹ и вынужден был через надсмотрщиков просить государыню о покрытии его долгов, переросших в государственную проблему: „В это время Великий Князь, видя страну свою отягощенную долгами и теснимую кредиторами, из которых некоторые уступили свои права королям датскому и прусскому, говорил графу Александру Шувалову, вновь назначенному к нам, чтобы Императрица заплатила за него долги”. Однако, выбирая между ними, автор явно спешит передать свои симпатии русскому царедворцу: „Шувалов хотел отличиться при своем вступлении и выхлопотал 70 тыс. рублей, чтобы утишить самые настоятельные притязания. Он собрал справки о долгах Государя Наследника и узнал, что самым тяжелым бременем были его войска. Шувалов придумал и предложил именем Императрицы уволить всех этих людей бесполезных и убыточных, с тем, что вместо 200 человек Императрица будет содержать две тысячи русских войск в Голштинии, которыми великий князь будет распоряжаться по своей воле”²². В противоположность ему, цесаревна выводит негативный образ немца, думающего, прежде всего, о собственной выгоде. Брокдорф не только отклоняет дельное предложение русского советника, но и объявляет себя горячим защитником голштинцев в противостоянии с русскими: „Великий князь горячо схватился за такое предложение, но к несчастью рассказал Брокдорфу, а этот отклонил его от того под предлогом, что в Голштинии каждый русский ненавидим и что тамошние жители побьют их. Таким образом, не осуществилось предположение, которое бы могло иметь великие, полезные и добрые последствия”²³. Однако подобный исход – лишь следствие, по мнению Екатерины, неумелой политики правящей особы.

Поэтому самый негативный образ в ее анекдоте – это образ действующей императрицы, так же, как и Петр Федорович, не умеющей разбираться в людях, и, более того, поощряющей зло (Брокдорфа) и осуждающей добро (Екатерину): „В разгар моей ссоры с Великим Князем ее убедили объявить, что я, без его ведома, сделала что могла для изгнания от него его верного служителя Брокдорфа, но что она вместо того

²¹ К.В. Сивков, *Петр III и Екатерина II* в кн. Екатерина II Великая: энциклопедия, Москва 2008, с. 19.

²² Бумаги императрицы Екатерины II..., с. 93.

²³ Ibidem.

назначила ему семь тысяч жалованья, предложив Великому Князю пользоваться советами этого почтенного человека”²⁴.

С целью обоснованной критики Елизаветы Великая княгиня сосредоточивается на последовательном изложении предпринимаемых ею мер разного характера.

1. Екатерина демонстрирует умение вести диалог с Европой и свою деловую хватку: „Прежде всего я велела мне подать финансовый и долговой списки и нашла, что ежегодный расход превышал доход на 27 тыс. талеров. Я увидела миллионы долгов и 180 тыс. талеров дохода. Раздумывая о средствах против такого превышения, потому что Великий Князь не хотел и слышать о сокращении войск, я приказала заключить договор с венским двором, по которому ему давалось 100 тыс. талеров в год, и эти деньги, будучи хорошо распределены, восстановили бы все и уплатили бы все долги”²⁵.

2. Как тонкий психолог, она имитирует душевную открытость, которая выдает ее дипломатические способности: „Я крепко стояла за истину, не теряла присутствия духа и, для блага дела Великого Князя, примирилась с самым смертельным врагом своим – канцлером Бестужевым”²⁶.

3. Более того, Великая княгиня указывает на свои знания юридического характера, которые сочетаются у нее с четкими и решительными действиями человека, уверенного в своей правоте: „Тогда я письменно изложила о всех противоречиях действий Брокдорфа, о его поступках за и против Шуваловых, и его обвинениях, и передала эту бумагу Великому Князю”²⁷.

Все это дополняет просветительский образ автора, обратившегося к жанру анекдота, с целью выделения таких граней своей личности, как воспитание, образование, ум, дипломатичность, психологическая чуткость. Не случайно противостояния Великая княгиня – Брокдорф, Великая княгиня – Петр Федорович, Великая княгиня – Елизавета Петровна в рассказе лишь о маленьком эпизоде из жизни Екатерины логически подводят не к открытому нравоучению, но, наоборот, оборачиваются в кульминации всей истории парадоксальным высказыванием героини относительно советников монарха: „Чтобы окончить изображение сердца Брокдорфа прибавлю, что я слышала его утверждавшим при всех за столом, что *для сделания армии: более деятельною, необходимо убивать всех раненых*. И когда

²⁴ Ibidem, с. 97.

²⁵ Ibidem, с. 94.

²⁶ Ibidem, с. 95.

²⁷ Ibidem, с. 96.

Великий Князь возражал против жестокости, то Брокдорф приводил в подтверждение, что шведы всегда так поступали. Граф А. Шувалов сидел тогда около меня, и я, толкнув его локтем, сказала при том: я бы начала с того, что пустила бы пулю в мозг такого советника!”²⁸. С одной стороны, эта красноречивая фраза высвечивала такие личностные достоинства героини (помимо интеллектуального превосходства над своим окружением), как решительность, мужественность и отважность, а с другой – характеризовала авторский способ мышления, который через анекдотическое видение ситуации показывал как раз самую основу просветительского мировосприятия.

Эмоциональное высказывание героини – ответ на фразу из *Златого ига супружества*, гласящую „Жить кто с волком в покое мыслит, / то надобно зубы прежде выбить”²⁹, выглядит тем более оправдано, что речь идет не только о проблеме личных долгов Великого князя, но о благосостоянии всего российского народа, в связи с чем анекдот из бытового рассказа превращается в характеристику правления Елизаветы Петровны, далекого от Просвещения, и заявку более достойной кандидатуры на российский трон.

Самопрезентация Екатерины предстает более отчетливо через окружающий анекдот контекст афоризмов, помещенных в *Особой тетради*. Этот контекст также многослоен и направлен к разным социальным ярусам. Здесь есть и размышления о народном благе, которое могут принести воспитание и образование: „Учреждение Сен-Сира. Средство подражать ему с пользою и удобством будет заключаться в вызове наставницы классов и получении прямо от французского двора устава и журналов этого заведения”³⁰. Затем поднимается проблема материального состояния российских подданных: „Я хочу, чтобы страна и подданные были богаты – вот начало, от которого я отправляюсь: чрез разумное сбережение они этого достигнут”³¹. Венчает эти просветительские установки автора образ героини, открыто заявляющей: „Признаюсь, что хотя я свободна от предрассудков и ум у меня от природы философский, однако чувствую великую склонность чтить древние роды”³². Как видно, героиня откровенно примеривает маску идеального правителя на себя.

²⁸ Ibidem, p. 96–97.

²⁹ А.М. Панченко, op. cit., с. 327.

³⁰ Бумаги императрицы Екатерины II..., с. 82.

³¹ Ibidem, с. 83.

³² Ibidem.

Таким образом, анекдот о прохвосте, наживающемся за счет русской казны благодаря своим вредительским советам наследнику русского престола, превращается в рассказе Екатерины в презентацию ее личностных качеств, которые соотносятся с нормой поведения первого государственного лица и той программой, которую она афористично заявляет в «тетради». Анекдот в данном случае демонстрирует понимание будущей правительницей тесной связи монарха с двором и ее решительное желание руководить своим окружением. Поэтому не случайно так много внимания уделяется образу царского советника, далекого от совершенства и напрашивающегося на просветительское воспитание. В то же время подчеркиваются слабые черты мужского пола, прежде всего, Великого князя Петра Федоровича, не разбирающегося ни в людях, ни в политике, и вообще не обремененного умом.

Итак, анекдот, рассказанный Екатериной, достигал сразу трех целей: 1) передавал нездоровую атмосферу последних лет Елизаветинского правления, в которой процветали казнокрады при высокородных дураках; 2) предоставлял возможность Великой княгине нарисовать портрет своего мужа, не способного к делам государственного управления по тому, каких людей он брал себе в советчики; 3) являлся способом защиты цесаревны от наговоров нечистых на руку вельмож; 4) демонстрировал литературные дарования Екатерины, соответствующие требованию французского салона мадам Жоффрен; 5) был ответом на диалог о месте и роли женщины в обществе, который был начат в эпоху Ренессанса, продолжен в эпоху барокко и актуализирован в эпоху Просвещения.

Однако Великая княгиня понимала, что *Особая тетрадь* не станет достоянием печати. И значит, обращаясь к жанру анекдота, она решала другую задачу, а именно: литературной самопроверки в духе салонов – только творческой самореализацией обосновывалась заявка Екатерины на курс просвещенного абсолютизма. Занимаясь сочинительством и подвергая критическому анализу свое окружение, будущая императрица, с одной стороны, обдумывала нормативную сторону образа монарха и образа его советника, а с другой – оттачивала смеховую палитру воспитательных приемов, необходимых и писателю, и правителю эпохи Просвещения.

Streszczenie

Dialog Wielkiej księżnej Katarzyny Aleksejewny z anonimowym polskim autorem o miejscu i roli kobiety w społeczeństwie: problematyka funkcjonowania anegdoty w twórczości Katarzyny II

W artykule rozpatrywany jest problem funkcjonowania anegdoty w twórczości Katarzyny II. Anegdota o mądrej i wykształconej żonie podejmuje dialog z tekstem pt. *Złote jarzmo małżeństwa* anonimowego polskiego autora, w którym wizerunek żony staje się obiektem żartów i jawnej renesansowej kpiny. Katarzyna Aleksiejewna opowiada się za oświeceniową koncepcją, według której miejsce kobiety w społeczeństwie określa jej wykształcenie, wychowanie i zdolności literackie. Dzięki tym cechom kobieta może zostać Panią salonu literackiego, a w szczególnym przypadku – Imperatorową.

Summary

Dialogue of a Grate duchess Catherine Alexeevna with a Polish anonymous author about woman's place and role in the society: back to question about functioning of the genre of anecdote in Catherine's II fiction

In the article is considered the problem of functioning anecdote in Catherine's II fiction. Anecdote depicting the image of a clever and educated wife starts a dialogue with a Polish anonymous author's text *A golden burden of marriage*, in which the image of wife becomes a target for mocking and open Renaissance laugh. Catherine Alexeevna answers on it using Enlightening conception of a wife image, whose place in the society is determined by her education, upbringing and literature abilities. Thanks to her qualities, a woman can become the owner of the salon and even in some exceptional cases – the Empress.